

ДИСКУССИЯ О СОЮЗЕ С РОССИЕЙ В ЯПОНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В истории русско-японских отношений период Первой мировой войны занимает особое место. 3 июля 1916 года в Петрограде была подписана очередная русско-японская политическая конвенция, которая означала де-факто заключение военно-политического союза между двумя странами. Можно говорить о том, что российско-японские отношения достигли в тот момент своего исторического апогея, который не был превзойден ни до, ни после. В этой связи представляется крайне важным подробно изучить обстоятельства, способствовавшие установлению столь тесных отношений между двумя странами, и рассмотреть существовавшие тогда в Японии подходы к русско-японскому сближению¹.

В данной работе автор попытался остановиться не на анализе архивных дипломатических документов, а на материалах периодической японской печати, в которых в полной степени предстают взгляды японской политической элиты в отношении русско-японского союза. В качестве источников в работе были использованы ежедневные общепонские газеты «Асахи» и «Йомиури», журналы «Тайё» («Солнце»), «Тюо-корон» («Центральное обозрение»), «Гайко дзихо» («Дипломатические известия»), «Нихон оёби нихондзин» («Япония и японцы»), «Нихон хёрон» («Японское обозрение») и некоторые другие. Свою главную задачу автор видел в том, чтобы выявить основные этапы развития дискуссии о русско-японском союзе в Японии и обозначить ее узловые моменты. Анализ этой открытой общественной дискуссии бросает новый свет на значение русско-японского военно-политического союза во внутренней японской и международной политике того времени и позволяет лучше понять особенности того процесса, который привел к его заключению.

Война с Германией и «русско-японский союз де-факто»

Первая мировая война изменила баланс сил не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. После объявления войны со стороны Германии Россия встала перед необходимостью сосредоточения всех своих сил на Западном фронте, однако для того, чтобы сделать это, она должна была прежде всего обезопасить свои восточные рубежи. Как поведет себя Япония в такой ситуации, было неясно. Печальный опыт русско-японской войны, начавшейся неожиданным, вероломным ударом японского флота по русским боевым соединениям на Дальнем Востоке, заставлял поверить в самый худший вариант развития событий. В случае вступления Японии в войну на стороне Германии России предстояло бы вести боевые действия на двух фронтах, что было чревато самыми непредвиденными последствиями².

К счастью, вышеуказанные опасения не оправдались. 23 августа 1914 года Япония объявила войну Германии. Сразу же после разрыва дипломатических отношений с Германией Япония направила в «южные моря» морскую эскадру для «поиска и уничтожения» германского Восточного флота, создающего угрозу для торговых интересов Великобритании и Японии, и приступила к осаде крепости Циндао, являвшейся на тот момент оплотом германского влияния в Восточной Азии. С самого начала войны Япония заняла по отношению к России достаточно дружелюбную позицию, начав поставки боеприпасов, медикаментов и сырья, столь необходимых для страны в военное время. Россия избежала войны на два фронта и могла смело перебросить размещенные на Дальнем Востоке войска на запад. Русско-японские отношения стали фактически союзническими³.

С точки зрения Японии, начало «Европейской войны», как тогда говорилось, означало прежде всего уход с Дальнего Востока сильных конкурентов: России, Германии, Англии и Франции.

¹ Отдельные положения данной статьи нашли свое отражение в монографии Молодякова В. Э. «Гото Симпэй и русско-японские отношения» (М.: АИРО-XXI, 2006. Гл. 3. Испытание войной: союзы и союзники. С. 64-85), а также авторской статье «Русско-японская конвенция 1916 г. и ее международно-политический смысл» (Япония 2006: Ежегодник. М., 2006. С. 243-256).

² См.: Асида Хитоси. Какумэй дзэнъя но Росиа (Россия накануне революции). Токио, 1950. С. 39.

³ Полумордвинов М. О влиянии современных мировых событий на положение дел в Дальневосточных странах. Публичный доклад, прочитанный в Обществе Русских Ориенталистов в Харбине 10 октября 1914 года // Вестник Азии, 1915, № 31-32. С. 10, 20-21; Штейнфельд Н. П. Новый фазис русско-японских отношений // Вестник Азии, 1915, № 31-32. С. 57; Вонсович И. И. Русско-японское торговое сближение и меры к его развитию // Вестник торгово-справочного бюро, 1916, № 1. С. 19-21; Нитиро бозэки (Русско-японская торговля). Дайрэн: управление Квантунского генерал-губернаторства, 1916. С. 1-2.

Вступление Японии в войну на стороне стран Антанты позволяло «расквитаться» с мощным экономическим соперником Германией и открывало путь для еще более тесного сближения с Россией. Уже в середине августа 1914 года некоторые сторонники русско-японского сближения вновь заговорили о необходимости урегулирования отношений с Россией, возродив к жизни вопрос о русско-японском союзе⁴.

Главной особенностью данной дискуссии в начальный период войны было то, что она носила, с одной стороны, либерально-прогрессивный, а с другой стороны, ярко выраженный антигерманский характер. Причины этого вполне понятны. Японии было необходимо каким-то образом легитимизировать свое поведение на внешнеполитической арене и оправдать вступление в войну на стороне стран Антанты. Это могло быть осуществлено лишь усиленным подчеркиванием своей близости к странам, сражающимися с «милитаристской Германией». Именно на это время приходится период борьбы Японии с германским влиянием в Восточной Азии и на Тихом океане.

Если ранее ответственным за «агрессивную, экспансионистскую политику» на Дальнем Востоке рассматривался царский режим, то после разрыва дипломатических отношений с Германией все «происки» русского империализма стали сваливать на германского кайзера. Начали говорить о том, что именно Германия, а не Англия, способствовала переориентации русской политики с Балкан и Ближнего Востока на берега Тихого океана; именно Германия не желала выхода России к Персидскому заливу и средиземноморским проливам; именно Германия стояла во главе франко-русско-германской коалиции 1895 года, созданной для того, чтобы отнять у Японии захваченный в результате японо-китайской войны Ляодунский полуостров. По этой логике, основные противоречия между Россией и Японией в результате русско-японской войны были разрешены, и они обязаны были сблизиться. Думалось, что таким образом в Восточную Азию будет принесен прочный и долгосрочный мир, а Россия обеспечит себе выход к «теплым морям»⁵.

Близкая к правительственным кругам газета «Хоти» («Известия») в ноябре 1914 года писала: «До сих пор ни Россия Японию, ни вторая первую не понимали достаточно, примером чему является прискорбное недоразумение прошлых лет; теперь же, когда Россия и Япония проникнуты одним стремлением – оградить Дальний Восток от пангерманизма – интересы обоих государств должны более сближать друг друга и они должны сблизиться, а это сближение выльется в тесный русско-японский союз. Только при наличии его, можно с твердой уверенностью сказать, будет более процветать как торговля и промышленность обоих государств и, вместе с тем, тишина, спокойствие и мир на Дальнем Востоке»⁶.

Несмотря на то, что в японской прессе можно было обнаружить и достаточно скептические оценки перспектив русско-японского союза, большинство органов японской печати на данном этапе считало возможным и даже необходимым заключение русско-японского союза в качестве связующего звена между англо-японским и франко-русским союзами, определяющими политическую ситуацию в Азии. Предполагалось, что русско-японский союз завершит образование международной коалиции, подобной Священному союзу 1815 года. С точки зрения Японии, образованный Четверной союз должен был гарантировать ее позиции в Восточной Азии после ухода оттуда Германии. Россию и Японию должно было сплотить не только наличие общего врага, но и общего союзника – Англии. По мнению многих японских политиков, русско-японский союз нисколько не противоречил англо-японскому и должен был только усилить его⁷.

К 20 октября 1914 года японские войска заняли практически все германские колониальные владения на Маршалловых, Каролинских и Марианских островах, а 7 ноября вошли в Циндао. На этом, фактически, и ограничилось участие японской армии и флота в Первой мировой войне. После

⁴ Приамурские ведомости, 23.09.1914. С. 5; Бо тайкан (Высокопоставленный чиновник N). Нитиро домэй-рон (Вопрос русско-японского союза) // Тайё, 01.10.1914. С. 135-145; Нитиро домэй-эцу: Ру-тан си корэ о кангэй су (Идея русско-японского союза: Газета «Ле тан» приветствует) // Гайко дзихо, 01.11.1914. С. 77-79; Хроника Дальнего Востока (перевод с японского для «Приамурских Ведомостей») // Приамурские ведомости, 11.12.1914. С. 5; Приамурские ведомости, 30.12.1914 (№2229). С. 5.

⁵ Бо тайкан (Высокопоставленный чиновник N). Нитиро домэй-рон (Вопрос русско-японского союза). С. 142-143.

⁶ Японцы о русском Дальнем Востоке (специальный перевод с японского для «Приамурских Ведомостей») // Приамурские ведомости, 23.11.1914. С. 6-7.

⁷ Дмитрий Позднеев. Японские дела // Приамурские ведомости, 3.12.1914 (№ 2363). С. 6; Нэгоро Мотоюки. Нитиэй домэй то соно какутё (Англо-японский союз и его расширение) // Тайё, 01.09.1914. С. 153-158; Арига Нагао. Сэнго ни тайсуру дайдомэй но хицуё (Необходимость большого альянса в послевоенное время) // Гайко дзихо, 01.01.1915. С. 4-6; Бо тайкан (Высокопоставленный чиновник N). Нитиро домэй-рон (Вопрос русско-японского союза). С. 144.

окончания активных боевых действий тема русско-японского военно-политического союза приобрела ярко выраженный политический оттенок.

В декабре 1914 года на внеочередной сессии японского парламента вновь началось обсуждение набившего оскомину вопроса о создании двух дополнительных дивизий, предназначенных для размещения в Корее. Прежде в качестве идеологического обоснования этого политического шага выступали раздувавшиеся в прессе слухи о том, что Россия готовит «мстительную войну» против Японии, однако с началом войны в Европе Россия и Япония оказались в одном лагере, и эти аргументы уже не годились. Вместо этого японское правительство получило возможность объяснить свой шаг как необходимый для борьбы с германским влиянием на Дальнем Востоке, а Россия в новых геополитических условиях не имела веских оснований для того, чтобы этому противиться⁸.

К началу 1915 года отдельные голоса, приветствующие новую эпоху русско-японской дружбы, слились в мощное течение и породили широкую общественную дискуссию о путях и основаниях русско-японского сближения. Тема русско-японского союза переросла рамки простой газетной дискуссии и стала насущным вопросом общественно-политической жизни Японии. Вышедший в январе 1915 года очередной номер журнала «Тайё», бывшего в ту пору одним из самых распространенных в Японии ежемесячных журналов, публиковавшемся в 160 тысячах экземплярах, практически весь свой политический отдел посвятил проблеме русско-японского союза. Пять очерков, помещенных под рубрикой «О смысле русско-японского союза», принадлежали перу известных политических и общественных деятелей, таких как барон Накасэджи Рэн (1866-1924), президент Железнодорожного управления Соза Дзюити (1864-1929), глава партии Кокуминто Инукай Цуёси (1855-1932), лидер правительственной партии Досикай Симада Сабуро (1852-1923). Все эти деятели, оказывавшие непосредственное влияние на ход японской политики, высказывались – разумеется, с различных позиций – в пользу более тесного сближения с Россией⁹.

Русский посол в Токио Н. А. Малевский-Малевич, пристально следивший за ходом дискуссии и отмечавший малейшие изменения в тоне рассуждений японской прессы, 22 января 1915 года в послании министру иностранных дел С. Д. Сазонову докладывал: «Раздававшиеся в японской прессе с начала нынешней войны голоса о необходимости русско-японского союза сделались в настоящее время столь «общим местом», что едва ли найдется во всей японской повременной печати один орган, который не обсуждал бы этого вопроса от времени до времени»¹⁰. Тем не менее внимательное изучение вышеуказанной дискуссии показывает, что дело обстояло не совсем так радужно, как сообщал в своих докладах российский посол. Диспут о «русско-японском союзе» действительно получил широкое распространение, однако это совсем не означало того, что все общественные круги Японии выступали за заключение военно-политического союза с Россией. Уже к началу 1915 года в дискуссии о двустороннем сближении обозначилось резкое расхождение в подходах.

Русско-японское сближение: «Союз» или «Антанта»?

1915-1916 годы характеризовались чрезвычайно высоким интересом японской общественности к проблеме «союза» (*домэй*) как такового. На страницах японской периодической печати развернулась широкая дискуссия, посвященная этому вопросу. Позиция политических и общественных деятелей по отношению к проблеме русско-японского союза также часто зависела от того, как понимался ими термин «союз». В эпоху, когда международное право и теория международных отношений еще не выделились в отдельные научные дисциплины, этот термин допускал различные толкования и мог интерпретироваться в достаточно широком смысле. Тем не менее большинство участников дискуссии были едины в своем понимании «союза»: они полагали, что, с точки зрения международной политики, этот термин означает договор и относительно долгосрочные отношения, возникшие в результате его заключения, подразумевающие обоюдную обязанность оказания военной помощи против предполагаемого противника¹¹.

⁸ Бо тайкан (Высокопоставленный чиновник N). Нитиро домэй-рон (Вопрос русско-японского союза). С. 144-145; Нитиро домэй китэй (Надежды на русско-японский союз) // Токио асахи симбун, 20.12.1914. С. 4.

⁹ Нитиро домэй-рон но кати (О смысле русско-японского союза) // Тайё, 01.01.1915. С. 107-120.

¹⁰ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Под ред. М. Н. Покровского. Серия III. 1914–1917 гг. Москва–Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. Т. 7. С. 86-88.

¹¹ См.: Арига Нагао. Сэнго ни тайсуру дайдомэй но хицуё (Необходимость большого альянса в послевоенное время). С. 4-6; Нинагава Арата. Домэй но сэнтаку (Выбор союза) // Гайко дзихо, 01.09.1915. С. 15-21; Он же. Сэйдзи домэй но кэнкю (Исследования политического союза) // Кокусайхо гайко дзасси, 15.10.1916. Т. 14, № 10. С. 13-28; Татэбэ Тонго. Кокусай сэйсаку тоситэ но домэй (Союз как инструмент международной политики) // Гайко дзихо, 15.02.1916. С. 14-36; Тати Сакутаро. Домэй то кёсё (Союз и Антанта) // Гайко дзихо, 15.08.1916. С. 1-14.

Как следствие такого понимания возникал важный, принципиальный вопрос: «Против кого будет направлен русско-японский союз?». И здесь большинство политиков и общественных деятелей, включая так называемых «русофилов», сходились в том, что заключать специальный двусторонний альянс против Германии нет смысла, так как такой союз уже фактически существует. Заключение же союза, направленного против США, по их мнению, было слишком опрометчиво, ибо могло привести к охлаждению не только японо-американских, но и англо-японских отношений. Высказывались сомнения и в эффективности такого русско-японского союза: континентальная, не располагающая крупным и сильным флотом Россия даже при желании помочь Японии не в силах предоставить ей ощутимую поддержку в борьбе с морской державой. Приблизительно такую позицию по отношению к проблеме русско-японского союза занимали уже упомянутый выше политик Симада Сабуро, правовед Суэхиро Сигэо (1874-1946), дипломат Идзюин Хикокити (1864-1924), известный публицист Йосино Сакудзо (1878-1933) и многие другие представители умеренно-либеральных кругов.

Эта часть политиков и общественных деятелей предлагала не спешить с заключением союзного договора, а дожидаться окончания войны, когда сложится новая международно-политическая ситуация. По их мнению, заключение военно-политического альянса, подразумевающего относительно долгосрочное сотрудничество, возможно лишь в условиях стабильного международного положения, иначе союзный договор может в мгновение ока превратиться в простую «бумажку». В виду вышеуказанного, эти общественно-политические силы высказывались лишь в пользу углубления добрососедских отношений с «северным соседом» на базе уже существующих соглашений. Поддерживая идею русско-японского сближения как такового, они считали заключение военно-политического союза либо преждевременным, либо ненужным. Форма «политического согласия», или Антанты (*кёсё*), по их мнению, наиболее полно соответствовала интересам Японии. Признавая наличие общих русско-японских интересов в Китае, они тем не менее считали, что этого основания недостаточно для заключения союзного договора¹².

Другими словами, представители либерального политического крыла, широкие дипломатические и публицистические круги, поддерживая в той или иной степени курс на углубление русско-японских отношений в рамках Антанты, выступали против заключения союзного русско-японского договора. Даже известные своими «русофильскими» взглядами политики, такие как Симада Сабуро и Гото Симпэй (1857-1929), не были его ярыми сторонниками, предпочитая курс на расширение экономических связей между двумя странами. Барон Мэгата Танэтаро (1853-1926), являвшийся председателем Торгового отдела Русско-японского общества в Токио и выступавший по роду своей деятельности за развитие двусторонних торгово-промышленных отношений, также считал, что русско-японский союз не принесет Японии никаких существенных выгод и даже говорил о вредности и ненужности таких разговоров¹³.

Сторонники военно-политического союза занимали в дискуссии о русско-японском сближении относительно скромное место. Из пяти человек, поместивших свое мнение о будущем русско-японских отношений в январском номере журнала «Тайё», лишь неизвестный генерал¹⁴ открыто поддерживал эту идею¹⁵.

¹² Симада Сабуро. Дэнрай но тайро сисо (Традиционный взгляд на Россию) в «Нитиро домэй-рон но кати» («О смысле русско-японского союза») // Тайё, 01.01.1915. С. 116; Суэхиро Сигэо. Нитиро домэй-рон (Вопрос русско-японского союза). С. 25-26, 29-30; Он же. Домэй тэйкэцу но ё наси (В заключении русско-японского союза нет необходимости) в «Нитиро домэй хахи-рон» («Дискуссия о целесообразности русско-японского союза») // Тюо-корон, 01.10.1915. С. 65; Он же. Нитиро син-кёяку хихё (Оценка нового русско-японского соглашения) // Гайко дзихо, 01.08.1916. С. 7-12; Идзюин Хикокити. Дзюкурё о ё-суру нитиро домэй-рон (Требуемый серьезного рассмотрения вопрос о русско-японском союзе) // Тайё, 01.08.1915. С. 115-116, 119-120; Он же. Синтё но корё о ё-су (Требуется осторожного рассмотрения) в «Нитиро домэй хахи-рон» («Дискуссия о целесообразности русско-японского союза») // Тюо-корон, 01.10.1915. С. 69-70; Йосино Сакудзо. Кёсё ва ёси, домэй ва фуё (Антанта — возможна, союз — не нужен) в «Нитиро домэй хахи-рон» («Дискуссия о целесообразности русско-японского союза») // Тюо-корон, 01.10.1915. С. 74-75; Созда Дзюити. Кэйсики ёримо дзиссицу (Не форма, а содержание!) в «Нитиро домэй-рон но кати» («О смысле русско-японского союза») // Тайё, 01.01.1915. С. 109-111; Нинагава Арата. Домэй но сэнтаку (Выбор союза). С. 19-20.

¹³ Гото Симпэй. Доко маэмо нитиро синдзэн-рон (Последовательный курс на русско-японскую дружбу) в «Нитиро домэй хахи-рон» («Дискуссия о целесообразности русско-японского союза») // Тюо-корон, 01.10.1915. С. 72-73; Мэгата Танэтаро. Нитиро тэйкэй муё (В русско-японском сближении нет нужды) в «Нитиро син-кёяку-рон» («Обсуждаем новое русско-японское соглашение») // Кодзуй иго, апрель 1916, № 11. С. 6-7.

¹⁴ По мнению Малевского-Малевича, им мог быть генерал Уэхара Юсуке (1856-1933), военный министр во втором кабинете министров Сайондзи (1911-1912), ушедший в отставку под давлением сторонников создания двух дополнительных дивизий (См.: Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. Т. 7. С. 87).

¹⁵ Бо сёгун (генерал Н). Дзоси о фухицуё нарасиму (Нет необходимости в создании новых дивизий) в «Нитиро домэй-рон но кати» («О смысле русско-японского союза») // Тайё, 01.01.1915. С. 116-120.

Основные аргументы выступавших за русско-японский союз можно свести к следующим трем пунктам:

Китайский вопрос (сина мондай)

Сторонники русско-японского военно-политического альянса отмечали, что позиции, занимаемые Россией и Японией в Маньчжурии и Монголии, аналогичны, поэтому двум странам выгодно объединить свои усилия. Они видели главный смысл русско-японского сближения в «сохранении целостности Китая и поддержания мира на Дальнем Востоке», предполагая, что, разделив сферы влияния, Россия и Япония могут в течение долгого времени успешно осуществлять контроль над ситуацией в Восточной Азии. В отличие от других держав интересы России в Китае находились по преимуществу в военно-политической сфере, поэтому японские политики считали, что с ней будет проще договориться о разделе сфер влияния. Говорилось о том, что с древности политический контроль над Китаем осуществлялся силами, приходящими с Севера, а экономический – с Юга, и, что для Японии в условиях действия этого принципа было бы разумным объединиться с Севером для оказания совместного сопротивления силам Юга. Сближение России и Японии должно было положить конец традиционной китайской политике «подавления варваров варварами» и открыть Японии путь к расширению своего влияния в Китае. Предполагалось, что союзный договор позволит России сосредоточиться на разрешении проблем на западных границах, а Япония уменьшит тем самым постоянно испытываемую «русскую угрозу»¹⁶.

«Политика продвижения в южном направлении» (нансин сэйсаку)

Политики, ратовавшие за заключение русско-японского военно-политического союза, утверждали, что такой союз может сослужить пользу Японии не только в китайских делах, но и в ее активной политике в «южных морях». «Политика продвижения в южном направлении» рассматривалась ими как единственно верная стратегия «национального развития», и поэтому тесные, союзные отношения с Россией, создававшие щит безопасности на севере, выступали ее необходимой предпосылкой¹⁷. Эти политики полагали, что союз с Россией позволит Японии сосредоточить свои силы на южном направлении и сделает возможным колониальное освоение плодородных и богатых ресурсами тихоокеанских островов. Хотя Великобритания и Франция относились достаточно настороженно к попыткам Японии укрепиться на «южных морях», предполагалось, что заключение союзного договора с Россией, являющейся союзницей первых двух, позволит преодолеть их сопротивление¹⁸.

«Тихоокеанская проблема» (тайхэй мондай)

Решение тихоокеанской проблемы было непосредственным образом связано с борьбой против Соединенных Штатов, пытающихся превратить Тихий океан в «американское озеро» (“American lake”). По мнению сторонников русско-японского союза, ликвидация «российской проблемы» путем заключения русско-японского военно-политического союза «сделает возможным избежать дальнейшего увеличения расходов на армию и, собравшись с силами, приступить к решению тихоокеанской проблемы»¹⁹. Эти политические круги предполагали, что в результате мировой войны силы европейских держав значительно ослабнут и на первый план в мировой политике выйдут Соединенные Штаты, накопившие достаточный потенциал для того, чтобы поставить под свой контроль Китай. Германия тогда может превратиться в надежного союзника США в Азии. В случае возникновения американо-германо-китайской коалиции русско-японский союз может послужить надежной защитой японских интересов в Маньчжурии²⁰. Вышеуказанные основания рассматривались как главные причины, по которым японское общество и его политическая элита выступали в пользу более тесного сближения с Россией. Говорилось о том, что соперничество с Россией, которая должна стать «одним из главных действующих персонажей на будущей мировой арене», является

¹⁶ Бо сёгун (генерал Н). Дзоси о фухицүэ нарасиму (Нет необходимости в создании новых дивизий). С.116-120; Нитиро домэй-сэцу ни тайсуру сёхан-но кансацу (Разные мысли в отношении идеи русско-японского союза) // Гайко дзихо, 1.08.1915. С. 1-2; Мацуи Хаккэн. Нитиро домэй-рон (Вопрос русско-японского союза) в «Нитиро домэй кахи-рон» («Дискуссия о целесообразности русско-японского союза») // Тюо-корон, 01.10.1915. С. 66-67.

¹⁷ Нитиро домэй-сэцу ни тайсуру сёхан-но кансацу (Разные мысли в отношении идеи русско-японского союза). С. 1-2; Хокагу хакуси Укита Кадзутами кун иваку (Слова доктора права Укита Кадзутами) в «Нитиро домэй ни тайсуру мэйси но икэн» («Мнения известных людей в отношении японско-русского союза») // «Нитиро дзитугё симпо», 15.02.1915. С. 37.

¹⁸ Мацуи Хаккэн. Нитиро домэй-рон (Вопрос русско-японского союза). С. 66-69.

¹⁹ Бо сёгун (генерал Н). Дзоси о фухицүэ нарасиму (Нет необходимости в создании новых дивизий). С.116-120.

²⁰ Нитиро домэй-сэцу ни тайсуру сёхан-но кансацу (Разные мысли в отношении идеи русско-японского союза). С. 1-2; Мацуи Хаккэн. Нитиро домэй-рон (Вопрос русско-японского союза). С.66-69; Сугавара Цутау. Кэккёку ва тайси-мондай (В конечном счете, проблема политики по отношению к Китаю) в «Нитиро син-кёяку-рон» («Обсуждаем новое русско-японское соглашение») // Кодзуй иго, апрель 1916, № 11. С. 8.

невыгодным для Японии. Напротив, сотрудничество с «нацией, давших миру таких личностей, как Петр Великий и Лев Толстой», по мнению сторонников русско-японского союза, таило в себе большие возможности²¹. Сторонники русско-японского союза представляли собой консервативное крыло японской политической элиты. Настроенные достаточно националистически, эти политические силы относились критически к существующему внешнеполитическому курсу, сердцевину которого составлял англо-японский союз. Именно отношение к англо-японскому союзу и являлось той «лакусовой бумажкой», на которой отчетливо проявлялись политические взгляды, убеждения и пристрастия тех или иных личностей и общественно-политических групп.

Проблема русско-японского сближения и англо-японский альянс

Проблема русско-японского союза непосредственно наталкивалась на проблему англо-японского альянса. Говоря иными словами, отношение к англо-японскому союзу, фактически, определяло позицию политиков к вопросу о сближении с Россией. В начале войны, когда Россия и Япония волею судеб оказались в одном лагере, часть политиков, включая высших государственных советников гэнро, считала возможным заключить Четверной англо-франко-русско-японский союзный договор, однако эта идея не нашла поддержки в японском правительстве. Министр иностранных дел Като выступал против расширения англо-японского альянса, так как считал, что это приведет к его ослаблению. В этом пункте его понимание полностью совпадало с мнением британского правительства²². Англо-японский союз, заключенный в 1902 году в преддверии русско-японской войны, оставался и в 1914 году стержнем внешнеполитической доктрины Японии. Согласно этому договору Япония обязывалась оказывать военную поддержку Великобритании в том случае, если интересы последней в Азии будут нарушены. В качестве зоны действия договора рассматривались прежде всего Китай и Индия. В 1911 году договор был во второй раз пересмотрен, и стороны продлили его еще на десять лет. Вместе с этим новый вариант союзного договора исключал обязанность Великобритании оказывать военную помощь Японии в случае конфликта последней с США²³.

Во время обсуждения вопроса о русско-японском союзе многие из политиков и общественных деятелей ссылались на англо-японский союз как на аргумент против заключения такого союза. Именно с такой точки зрения подходили к проблеме русско-японского союза уже упоминавшиеся выше Симата Сабуро, Суэхиро Сигэо, Идзюин Хикокити, Йосино Сакудзо и многие другие. Вышеуказанные общественные деятели принадлежали, главным образом, к «либерально-прогрессивной» части японской политической элиты и во внешней политике были последовательными сторонниками курса на Великобританию. Они полагали, что заключение союза с Россией может привести в дальнейшем к коллизии между двумя альянсами, и в случае ухудшения англо-русских отношений Япония может оказаться перед сложным выбором. Они были убеждены в том, что англо-японский союз более всего отвечает японским национальным интересам. По отношению к идее русско-японского союза они занимали позицию «лучше синица в руке, чем журавль в небе»: менять внешнеполитические ориентиры во время мировой войны, могущей потрясти все основы существующего мирового порядка, они считали неуместным. По их мнению, русско-японский союз не мог принести явных преимуществ, но мог усугубить и без того шаткое международное положение Японии²⁴.

Такие влиятельные политики как Накасэджи Рэн и Инукай Цуёси также занимали относительно умеренную позицию. Первый считал русско-японские добрососедские отношения необходимым элементом системы японской безопасности, но полагал, что они имеют значение как дополнение к существующему курсу на англо-японский союз. Второй, подчеркивая необходимость русско-японского сотрудничества в деле сохранения целостности Китая и желательность развития

²¹ Хокагу хакуси Укита Кадзутами кун иваку (Слова доктора права Укита Кадзутами). С. 37.

²² Сэгай Иноуэ кодэн (Официальная биография ушедшего от мирских забот графа Иноуэ). Иноуэ Каору дэнки хэнсанкай (Комитет по составлению биографии Иноуэ Каору). 1933. Т. 5. С. 367-369; Кобаяси Юкио. Ниссо сэйдзи гайко-си: Росиа какумэй то тиан идзи-хо (Российско-японская политическая и дипломатическая история). Токио, 1985. С. 12, 19-21; Миякэ Масаки. Юрасиа гайко-си кэнкю (Исследования по истории евразийской дипломатии). Кавадэ сёбо синся, 2000. С. 20.

²³ Гальперин А. Англо-японский союз: 1902–1921 годы. М., 1947. С. 285-304, 420-431; Ian H. Nish, Alliance in Decline: A Study in Anglo-Japanese Relations, 1908-23. London, 1972. P. 45-59.

²⁴ Суэхиро Сигэо. Нитиро домэй-рон (Вопрос русско-японского союза). С. 25-26, 28-32; Там же. Домэй тэйкэцу но ё наси (В заключении русско-японского союза нет необходимости). С. 65-66; Симата Сабуро. Дэнрай но тайро сисо (Традиционный взгляд на Россию). С. 116; Идзюин Хикокити. Дзюкурё о ё-суру нитиро домэй-рон (Требующий серьезного рассмотрения вопрос о русско-японском союзе). С. 115-120; Йосино Сакудзо. Кёсё ва ёси, домэй ва фуё (Антанта – возможна, союз – не нужен). С. 75-76.

товарообмена между двумя странами, обходил стороной вопрос о форме такого сближения: такой подход допускал и углубление существующих отношений в рамках Антанты²⁵.

Таким образом, широкие либерально-политические силы Японии стояли не за заключение особого русско-японского военно-политического союза, а за укрепление двустороннего сотрудничества при сохранении основного внешнеполитического курса на Великобританию. В начальный период войны именно они определяли характер внешней политики Японии. Правительство Окума и, в частности, министерство иностранных дел во главе с Като Такааки выражало, главным образом, взгляды этих общественно-политических слоев. Однако по мере того, как война принимала затяжной характер, эти либеральные силы теряли свое влияние во внутренней политике: они либо уступали место более радикальным, консервативным политикам, либо сами переходили на более консервативные, национал-патриотические позиции. Последнее было вызвано ростом напряженности в англо-японских отношениях и изменением взглядов японской политической элиты по отношению к Великобритании.

Как известно, вступление Японии в войну сопровождалось известным охлаждением в англо-японских отношениях. Несмотря на то, что Япония стремилась преподнести объявление войны Германии как выполнение своих союзнических обязательств, вытекающих из положений англо-японского договора, подданные британской короны имели повод быть недовольными таким поворотом событий. Для союзной Великобритании было ясно, что Япония, пользуясь предоставленным ей случаем, стремится расширить свою сферу влияния в Восточной Азии и бассейне Тихого океана. Британские дипломаты пытались по мере возможности ограничить зону военных действий Японии, но эти усилия не имели большого успеха. Япония не собиралась расставаться со своими колониальными приобретениями и пыталась закрепить свои преимущества в Китае. Японско-китайские переговоры, начавшиеся 19 января 1915 года с предъявления правительству Юань Шикая так называемого «21 требования», привели к еще большему охлаждению англо-японских отношений. Правительство Великобритании не имело возможности серьезно повлиять на ход японско-китайских переговоров, однако английская пресса обрушилась с резкой критикой японских «агрессивных устремлений». Негативное отношение союзной державы по отношению к действиям Японии привело к росту «некоторого неудовольствия англо-японским союзом» среди японской общественной и политической элиты²⁶.

Резко критическая реакция великих держав, прежде всего Великобритании и США, на ход японо-китайских переговоров заставила японские политические круги еще сильнее почувствовать опасность послевоенной международной изоляции, привела к росту японского национализма и осложнила внутривластную ситуацию в Японии. С весны 1915 года на страницах газет и журналов все настойчивее проступает критика по отношению к близорукой «проанглийской» политике правительства Окума²⁷. Большой вклад в эту критику вносили сторонники русско-японского сближения, во главе которых стояли члены Совета старейшин гэнро. Отставка Като Такааки в августе 1915 года открыла путь к дальнейшей конкретизации курса на русско-японское сближение и подстегнула критику существующего англо-японского союза.

С конца 1915 в японской прессе начинается активная и широкая кампания против англо-японского союза. В периодической печати все чаще и настойчивее стало говориться о необходимости его скорейшего пересмотра. Такой пересмотр стал рассматриваться в качестве необходимого условия независимого положения Японии в мировой политике. Ряд политиков и общественных деятелей начинают утверждать, что англо-японский союз, заключенный с тем, чтобы остановить «русскую экспансию» на Дальнем Востоке, уже выполнил свою роль и должен уйти в небытие. Они говорят о том, что русско-японские отношения регулируются несколькими политическими конвенциями и необходимость в английском посредничестве отпала. Некоторые публицисты начинают определять англо-японский союз как «странный», «неравный» и «односторонний». В таких условиях русско-

²⁵ Накасэджи Рэн. Рику-ро кай-эй саку (Политика курса на континентальную Россию и морскую Англию), Инукай Цуёси. Сина ходзэн но какухо (Гарантия сохранения целостности Китая) в «Нитиро домэй-рон но кати» («О смысле русско-японского союза») // Тайё, 01.01.1915. С.107-109, 111-112.

²⁶ Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. Т. 7. С. 88.

²⁷ Нитиро домэй то Окума найкаку (Русско-японский союз и кабинет министров Окума) // Гайко дзихо, 15.03.1915. С. 1-4. О критике правительства Окума см. также в: Накано Сэйго. Рококу но сёрай то нихон но тайдо: Насакэ наки дохо но хикан то нитиро домэй-рон (Будущее России и позиция Японии: Постыдный пессимизм соотечественников и дискуссия о русско-японском союзе) // Нихон оёби нихондзин, 15.11.1915, № 668. С. 23-28.

японский союз стал восприниматься как определенная альтернатива англо-японскому альянсу²⁸. После визита в Японию в январе 1916 года великого князя Георгия Михайловича, положившего начало русско-японским дипломатическим переговорам, дискуссия об отношении англо-японского альянса к русско-японскому союзу разгорелась с еще большей силой. В числе политических и общественных деятелей, выступивших с резкой критикой англо-японского союза, преобладали так называемые «германофилы».

Идея русско-японско-германского союза

Ряд поражений, которые потерпели союзные державы в 1915 – начале 1916 года, заставили многих японских общественных и политических деятелей пересмотреть свои взгляды по отношению к Великобритании и англо-японскому союзу. Более того, определенная часть японской политической элиты стала склоняться к мысли о вероятности скорой победы Центральных держав в мировой войне. Они считали, что после окончания войны Россия и Германия вынуждены будут сблизиться вследствие тесных социально-экономических и политических интересов, и это вновь приведет к росту противоречий между Британией и Россией, положив конец их добрососедским отношениям в рамках «Сердечного согласия». В условиях, когда победа Германии в войне стала рассматриваться в качестве одного из возможных сценариев, проблема японско-германских отношений приобрела новый смысл: Япония должна была подумать о том, как нейтрализовать будущую германскую угрозу и восстановить дружественные отношения с настоящим противником. Англо-японский договор, под предлогом которого Япония вступила в войну против Германии, несомненно, стал осознаваться в качестве главного препятствия к такой нормализации отношений. В условиях, когда шансы сторон на победу стали примерно равными, в японской прессе начинаются нападки на англо-японский союз как на главную причину, по которой Япония была «втянута» в мировую войну²⁹. В этой ситуации определенные политические силы Японии, опасаясь складывания русско-германского блока, готового направить свои силы на Дальний Восток, начинают склоняться к необходимости японско-русско-германского союза. Так, уже в августе 1915 года во все том же журнале «Тайё» появилась статья редактора Генерального штаба Японии Нагасэ Хосукэ (1865-1926), в которой он говорил, что Япония, не испытывающая большой ненависти к Германии, могла бы выступить в качестве посредника между Россией и Германией³⁰. Другими словами, прогермански настроенные круги политической элиты Японии признали уместность «превентивного» заключения союзного договора с Россией с тем, чтобы упредить складывание русско-германского блока, направленного против Японии. Исходной точкой рассуждений «германофилов» было предположение о вероятности победы Германии в Первой мировой войне и, как следствие этого, неминуемого сближения России с Германией. Весной 1916 года во время ожесточенных боев за Верден такой ход развития событий стал казаться еще более естественным³¹. В апреле 1916 года на страницах журнала «Кодзуй иго» («После потопа»), издаваемого известным журналистом и общественным деятелем Каяхара Кадзан (1870-1952), в рамках дискуссии о новом русско-японском политическом соглашении под простым, но емким названием «Предпосылка японско-германского союза» была помещена небольшая заметка депутата парламента Нагасима Рюдзи (1878-1940). В этой заметке говорилось следующее: «Русско-японский союз является предпосылкой японско-германского и предвестником японско-русско-германского союза. Бездумность японских политиков, пошедших на поводу у стран-союзниц и поставивших свои подписи под договором о незаключении сепаратного мира [подразумевается присоединение Японии к Лондонской декларации в октябре 1915 года – Э. Б.], наконец-то будет

²⁸ Асада Косон. Нитизэй домэй но како то сёрай (Прошлое и будущее англо-японского союза) // Тайё, 01.03.1916. С. 2-19; Тояма Мицуру. Нитизэй домэй ва хэнмэй да (Англо-японский союз – «странный союз») и Томидзу Хирондо. Нитизэйро но тэнмэн-сакусо о ика (О сложном переплетении англо-русско-японских интересов) в «Нитиро син-кёяку-рон» («Обсуждаем новое русско-японское соглашение») // Кодзуй иго, апрель 1916, № 11. С. 6-9; Coleman, F., The Far East unveiled: an inner history of events in Japan and China in the year 1916, London; New York, Cassel, 1918. P. 17-22; Scott, J. W., Robertson, Japan, Great Britain and the world: a letter to my Japanese friends. Tokyo, 1916. P. 1-2, 11-14.

²⁹ Ниита Масутаро. Нитиро домэй но кахи (О целообразности русско-японского союза) // Гайко, 01.08.1915, № 11. С. 8-10; Накано Сэйго. Рококу но сёрай то нихон но тайдо: Насакэ наки дохо но хикан то нитиро домэй-рон (Будущее России и позиция Японии: Постыдный пессимизм соотечественников и дискуссия о русско-японском союзе). С. 23, 28; Оба Сигэба. Мадзу рэйсэй ни корё сэй (Сперва нужно трезво подумать!) в «Нитиро син-кёяку-рон» («Обсуждаем новое русско-японское соглашение») // Кодзуй иго, апрель 1916, № 11. С. 6.

³⁰ Нагасэ Хосукэ. Ро-доку сэкин-рон: Барукан но сёрай но кэцурон тоситэ (Вопрос русско-германского сближения: Будущее следствие балканской политики) // Тайё, 01.08.1915. С. 95.

³¹ Например см.: Нагасима Рюдзи. Родоку канарадзу тэйкэй сэн (Россия и Германия обязательно сблизятся) // Нихон оёби нихондзин, январь 1916, № 671. С. 451; Тэрао Тору. Эйкоку ва сюсэй но тэки (Великобритания – вечный враг) в «Нитиро син-кёяку-рон» («Обсуждаем новое русско-японское соглашение») // Кодзуй иго, апрель 1916, № 11. С. 9.

восполнена японско-русско-германским договором... Не стоит говорить о том, что конкретизация плана по заключению русско-японского союза началась с визита в Японию русского князя. Это было фактически замыслом германофилов, находящихся при русском императорском дворе. Тот факт, что англофилы до самого момента отправления князя Георгия ничего не знали об этом, фактически говорит о том, что его командировали в Японию германские политики»³². После заключения русско-японской политической конвенции 3 июля 1916 года³³ разговоры о японско-русско-германском сближении еще более усиливаются. Через две недели после этого в России с поста министра иностранных дел уходит Сазонов, известный своими симпатиями к «либеральным демократиям» и последовательно проводивший на протяжении многих лет политику, направленную на углубление добрососедских отношений с Японией в рамках Антанты. На его место назначается известный своими консервативными взглядами Штюрмер, что было воспринято во всем мире как усиление «германофилов» во внутренней политике России.

Японские «германофилы» видели в новой русско-японской конвенции желание прогермански настроенных российских политиков заключить сепаратный мирный договор с Германией. Только так, на их взгляд, можно было объяснить ее смысл и значение. Каяхара Кадзан, усматривая за русско-японским соглашением тень японско-русско-германского союза, писал: «А что, если Россия уже имеет договоренность с Германией, и русско-японское соглашение было подписано в качестве предпосылки к заключению русско-германского сепаратного мирного договора и предпосылки к созданию японско-русско-германского союза? Если это так, нужно признать чрезвычайную дальновидность такой дипломатической стратегии. Это означает то, что намечается интересная драма, в ходе которой Япония, Россия и Германия собираются разделить между собой наследие Британской империи. Для этого Россия, получив свободу действия в Персии и Индии, должна прежде всего заручиться словом Германии не заключать договоров, направленных против нее. Заручилась ли Россия поддержкой Германии?.. В это нельзя легко поверить. Если в это нельзя поверить, русско-японское соглашение не имеет большого смысла»³⁴. «Германофилы» считали, что развитие Японии на Дальнем Востоке и в южном направлении неминуемо приведет к столкновению с британскими интересами, и, что Япония стоит перед необходимостью заключения нового Тройственного японско-русско-германского альянса. По их мнению, Япония, Россия и Германия, объединив свои силы, должны осуществить новый передел мира. В японской прессе началось обсуждение и возможного раздела сфер влияния: Японии отводилась зона Дальнего Востока, России – Ближний Восток и выходы к Персидскому заливу, Германии – Балканы. Таким образом, предполагалось, что Тройственный блок будет направлен, прежде всего, на борьбу с Великобританией. По мнению многих, в результате создания такого альянса, «хозяйка морей» была бы наконец-то наказана и оказалась бы в международной изоляции»³⁵. Вместе с тем подразумевалось, что Тройственный союз должен одновременно действовать и против Соединенных Штатов. В условиях, когда тихоокеанская проблема грозила вот-вот перерости в военный конфликт, было ясно, что наибольшую опасность от заключения русско-японского союзного договора испытывает не Лондон, а именно Вашингтон. В случае возникновения американо-японского конфликта Тройственный союз мог бы сослужить Японии хорошую службу: Германия и Россия прикрыли бы своим щитом Японию, и США, в конце концов, вынуждены были бы уйти из Китая»³⁶. Сторонники японско-русско-германского сближения в Японии яростно критиковали позицию кабинета министров Окума, якобы не замечающего

³² Нагасима Рюдзи. Нитидоку домэй но дзэнтэй (Предпосылка японско-германского союза) в «Нитиро син-кёяку-рон» («Обсуждаем новое русско-японское соглашение») // Кодзуй иго, апрель 1916, № 11. С. 8.

³³ Соглашение было подписано в двух вариантах. Официально опубликованные положения договора не выходили за рамки Антанты, однако секретные статьи носили характер военно-политического союза и предполагали взаимное оказание военной помощи в случае конфликта с третьей державой, нарушившей интересы России и Японии в Китае. Информация о существовании секретного договора тем не менее просочилась в прессу, и этот факт активно обсуждался в японской периодической печати. Большинство японских общественных и политических деятелей называли новый русско-японский договор «союзным».

³⁴ Каяхара Кадзан. Нитиро кёяку то кокусай сэйкёку но хэнка (Русско-японское соглашение и изменение международной ситуации) // Нихон хёрон, 01.08.1916. С. 7. См. также: Каяхара Кадзан. Нитиро доку сангоку домэй: Осю тайсэнго но нитиро доку домэй-рон (Тройственный союз Японии, России и Германии: вопрос русско-японско-германского союза после Великой европейской войны) // Нихон хёрон, 01.02.1917. С. 113-114.

³⁵ Кэмуяма Сэнтаро. Нитиро доку домэй-рон (Японо-русско-германский союз). С. 48-49; Кита Рэйкиги. Азиасюги но синтай о рондзю (Размышляя о сути азианизма) // Син-сёсэцу, апрель 1917. С. 49, 54; Ои кайги (Конференция в Ои) в «Нитиро син-кёяку-рон» («Обсуждаем новое русско-японское соглашение») // Кодзуй иго, апрель 1916, № 11. С. 9.

³⁶ Нагасима Рюдзи. Нитидоку домэй но дзэнтэй (Предпосылка японско-германского союза). С. 8. См. также: Тэрао Тору. Эйкоку ва сюсэй но тэки (Великобритания – вечный враг). С. 9.

несовместимости англо-японского и русско-японского союзов и наивно полагающего, что такая политика «двойных гарантий» может быть плодотворной. В октябре 1916 года – во многом благодаря их деятельности – кабинет министров Окума ушел в отставку, и было образовано «надпартийное» правительство Тэраути, означавшее приход к власти консервативных сил и усиление роли Совета старейшин гэнро во внутренней политике Японии. Смена правительства в Японии, в целом, означала переход власти от либерально настроенных «англофилов» к консервативно настроенным «германофилам»³⁷. Можно сказать, что к концу 1916 года были созданы предпосылки для заключения японско-русско-германского союза. Япония была готова присоединиться к России и Германии в случае заключения сепаратного русско-германского договора, однако все надежды на такой поворот событий рухнули в результате Февральской революции, когда к власти в России приходят либерально настроенные элементы, берущие курс на углубление отношений с Великобританией и США. Япония вынуждена была спешно перестраивать свой внешнеполитический курс и восстанавливать дружеские отношения с Соединенными Штатами.

Внимательное изучение материалов японской периодической печати в указанный период показывает, что тема русско-японского союза занимала важное место в общественной дискуссии, посвященной вопросам внешней и внутренней политики Японии. Материалы, касающиеся проблем русско-японского сближения, достаточно репрезентативны, что позволяет восстановить общественно-политический фон эпохи, определить основные этапы развития дискуссии о русско-японском союзе в Японии, выявить ее характерные черты и особенности. Принципиально важное значение имеет тот факт, что общественная дискуссия развернулась именно вокруг «русско-японского союза». В печати того времени под «союзом» (*домэй*), как правило, понимался военно-политический альянс. Аргументы сторонников русско-японского союза располагались в международно-политической плоскости: сохранение целостности Китая (*сина-ходзэн-саку*), «политика продвижения в южном направлении» (*нансин-сэйсаку*) и борьба с США за господство на Тихом океане (*тайхэй мондай*) рассматривались как основные мотивы к его заключению. Активная и продолжительная дискуссия на предмет того, в какую форму должно быть облечено русско-японское сближение – военно-политического союза или Антанты, – подтверждает тот факт, что Четвертая русско-японская конвенция носила характер альянса. Хотя сторонники русско-японской Антанты считали, что заключение русско-японского военно-политического союза ненужно и даже опасно, в 1916 году такой союзный договор был подписан. В виду вышеуказанного, необходимо четко отличать характер русско-японской конвенции 1916 года от трех предыдущих (заключенных в 1906, 1910 и 1912 годах), не выходящих за рамки Антанты. Это позволяет говорить о том, что период Первой мировой войны является особым этапом в истории русско-японских отношений.

Любопытно, что политики, известные в качестве «русофилов» (Симада Сабуро, Гото Симпэй) выступали против русско-японского военно-политического союза, поддерживая курс на русско-японскую Антанту. Это свидетельствует о том, что «русофильская тенденция» не совсем совпадала с тенденцией к русско-японскому политическому сближению: она несомненно оказывала известное влияние на ход русско-японского политического сближения, однако заключение русско-японского альянса 1916 года произошло вследствие других геополитических и геостратегических соображений. Во главе этого движения стояли влиятельные представители в армии и флоте, традиционно выступавших с антиросийскими лозунгами, но взявших в особых условиях Первой мировой войны курс на русско-японский союз. Изучение источников показывает, что дискуссия постепенно меняла свой характер в соответствии с положением на фронтах войны. В начале войны она возникла как желание определенных политических кругов Японии легитимизировать свое поведение на внешнеполитической арене и, воспользовавшись возникшим в Восточной Азии вакуумом силы, занять жизненно необходимое для Японии пространство. На начальном этапе войны, когда русско-японские отношения стали фактически союзными, определенные политические силы стали продвигать идею русско-японского союза, который должен был еще более сблизить страны в рамках антигерманской коалиции. Однако идея Четвертого англо-франко-русско-японского союза в силу ряда причин потерпела крах. С конца 1914 – начала 1915 года происходит стремительная политизация проблемы русско-японского союза. Она начинает использоваться в качестве одного из важнейших пунктов внутривнутриполитической борьбы, развернувшейся между правительством Окума и поддерживающими его либеральными силами, с одной стороны, и консервативными силами, возглавляемыми Советом старейшин гэнро, с другой. Растущее чувство международной изоляции, возникшее в результате

³⁷ Об образовании правительства Тэраути см.: Китаока Синъити. Гото Симпэй: Гайко то видзэн (Гото Симпэй: Дипломатия и видение). Токио, 1988. С.161-164.

обострения отношений с державами (прежде всего Великобританией и США) вследствие односторонней, оппортунистской политики Японии в Китае, толкало оппозиционные силы на решительные действия, направленные на смену внешнеполитического курса страны. Идея русско-японского союза, ярко высвечивающая недостатки проанглийского курса Като, стала одним из инструментов политической борьбы. Критическая позиция, которую заняла Великобритания во время японско-китайских переговоров, и ухудшение положения на фронтах войны летом 1915 года привело к росту недовольства англо-японским союзом и изменению отношения японцев к союзнице. Во главе движения, направленного на пересмотр англо-японского альянса и поддерживаемого широкими национально-патриотическими силами, встали так называемые «германофилы». Это произошло потому, что именно Германия представляла собой тогда альтернативу пробританской ориентации кабинета министров Окума. К лету 1915 года шансы стран «Сердечного согласия» и Тройственного союза на победу стали рассматриваться как равные, и это заставило японскую политическую элиту скорректировать внешнеполитический курс в сторону Германии. С этого времени вопрос русско-японского союза начинает накладываться на проблему русско-японско-германского военно-политического блока. Усиление в российской политике влияния так называемых «германофилов» и интенсификация усилий германской дипломатии, направленных на заключение сепаратного мирного договора с Россией, подстегнули прогерманскую волну в Японии. Относительно умеренные, либеральные политические силы были поставлены перед угрозой образования мощного русско-германского антияпонского фронта, а национально-патриотические, консервативные силы испытали некоторую иллюзию возможности «долгожданного» сближения с Германией. Ситуация требовала создания возможности примирения с Германией в случае ее победы в мировой войне. Это примирение зачастую трактовалось как необходимая мера для того, чтобы избежать возможной международной изоляции и предотвратить образование русско-германского блока. Военно-политический союз с Россией, с одной стороны, должен был препятствовать антияпонскому русско-германскому сближению, а с другой стороны, открывал возможность к японско-русско-германскому союзу, направленному против англосаксонских сил. К концу 1916 – началу 1917 года Япония была фактически готова к реализации этого замысла, однако Февральская революция в России спутала все карты правительства Тэраути и заставила его резко изменить внешнеполитический курс.

Таким образом, общественная дискуссия о русско-японском союзе в Японии в течение Первой мировой войны претерпела глубокие изменения и эволюционировала от идеи русско-японского союза в рамках Антанты к идее русско-японско-германского союза: либеральный подход к русско-японскому сближению постепенно уступил свое место радикально-консервативному подходу. Изучение дискуссии о русско-японском союзе показывает, что сближение с Россией находилось в самой тесной зависимости от ориентации Японии на другие европейские страны, Великобританию и Германию. Можно сказать, что именно противостояние последних и определяло позицию японской политической элиты по отношению к проблеме русско-японского сближения.